

PERSONALIA

А.А. Андреев

ЮНОСТЬ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БЕКОВИЧА ЧЕРКАССКОГО. ФАКТЫ И МИФЫ

Начало XVIII в. в России — время великих преобразований, связанных прежде всего с гением Петра Великого, — стало вехой, рубежом в российской истории. Будучи разносторонней личностью с широчайшим спектром интересов, российский государь старался себя окружить подобными себе, неординарными людьми, разделившими с ним все трудности строительства основ Российской империи. Среди них Франц Лефорт, Александр Данилович Меншиков, Якоб Вилимович Брюс, Петр Павлович Шафиров, Гавриил Иванович Головкин и многие другие. Одним из таких талантливых представителей, как сейчас принято говорить, команды Петра Великого был Александр Бекевич Черкасский¹. В отечественной историографии он известен как капитан лейб-гвардии Преображенского полка, возглавивший поход в Хиву. Он был одним из первых, кто составил подробную карту Каспийского моря и занимался укреплением позиций России на Северном Кавказе.

¹ Автор намеренно не ставит дефис перед фамилией Черкасский. Бекевич стало частью фамилии впоследствии. Согласно документам начала XVIII в., подписанных лично князем, он подписывался как Александр Черкасский. Бекевич, таким образом, как мы предполагаем, это его отчество, ставшее впоследствии частью фамилии.

Трагическая гибель большинства участников экспедиции стала широко известна как в России, так и за рубежом. Вопросы ее подготовки, ход, печальное завершение и роль во всем этом князя Черкасского вызывали и вызывают значительный интерес у исследователей с 20-х годов XVIII в. по настоящее время. При этом, несмотря на то что часть материалов, связанных с деятельностью Черкасского, опубликована, все же большая часть его биографии до сих пор от нас скрыта. Данная статья является попыткой осветить этапы его жизни.

Доподлинно известно, что он был представителем знатного кабардинского рода, восходящего согласно кабардинской устной традиции к египетскому султану Иналу. В литературе впоследствии о далеком родстве Александра Черкасского с мамлюками Египта говорилось довольно часто, и мы на этом не будем останавливаться подробно [Общий Гербовник... 1792: 9; Любимов 1915: 1; Вилинбахов 1982: 158; Дзамихов 2001: 162; Сборник документов по сословному праву... 2003: 10].

Интересно посмотреть, когда и почему данная точка зрения стала оспариваться. В XIX в. князь Петр Долгорукий указал, что «князья Ахамшуковы, Егуповы и Бековичи» не имеют «одного происхождения с родом князей Черкасских», а следовательно, и не имеют родства «с потомками Инала» [Голицын. 1855: 42]. Родство Бековичей с князьями Черкасскими, а следовательно, и происхождение от Инала оспаривалось также П.Н. Петровым, признанным экспертом в вопросах генеалогии российского дворянства: «Род князей Бековичей-Черкасских начался от несчастного князя Александра (до крещения Девлет Кизден Мурза), изменнически убитого в Хиве» [Петров 1886: 222]. Попытку отделить себя от Черкасских в официальных справочных изданиях, посвященных российскому дворянству, предпринимали и сами Бековичи Черкасские еще веком ранее. Родственники князя Эльмурзы Черкасского (брата Девлет Гирея) обращались в Герольдию с просьбой о выделении им отдельного от князей Черкасских герба и об утверждении за ними отдельного княжеского титула. Просьба их была отклонена [Любимов 1915: 2]. Данное решение трудно назвать справедливым, поскольку Бековичи Черкасские,

происходившие в свою очередь от Бекмурзиной (до разделения Джамбулатовой) фамилии, имели полное право на отдельный княжеский титул.

Сами князья Черкасские представляли собой не менее старинный и знатный род, происходили они от Идаровичей-Темрюковичей, служивших еще Ивану Грозному. Согласно версии кабардинского историка Дзамихова, непосредственно в самой Кабарде в начале XVIII в. они перестали играть «главенствующую роль в политической и общественной жизни», в то время как Бекмурзины стали приобретать все большее значение среди кабардинской знати [Дзамихов 2001: 163]. Возможно, это также объясняет желание потомков Бековича отмежеваться от Черкасских.

В начале XVIII в. земли Большой Кабарды находились во владении трех княжеских фамилий — «родов» или «колен»: Атажукиных, Мисостовых и Джамбулатовых. К середине века Джамбулатовы разделились на две фамильные родственные группы: Бекмурзиных и Кайтукиных. Таким образом, в Большой Кабарде в XVIII в. существовали четыре княжеские «фамильные» родственные группы: Атажукины, Мисостовы, Бекмурзины и Кайтукины [Гугов 1999: 163].

Хан Гирей в «Записках о Черкессии» пишет об «уделе Дянботие», в котором «был княжеский род Бек-мрзе-хе» (Бекмурзины) и «Ккайткокко-хе» (Кайтукины) [Хан Гирей 1992: 156]. Удел «Дянботие» или «Жамботей» назван в честь деда Александра Бековича, находился он на р. Черек (ныне здесь селения Старый Черек, Псыгансу, Аушигер, Урвань и город Нарткала) и на землях между Чегемом и Урухом [Карданов 2001: 353]. Брат Бековича Черкасского, поступая на российскую службу, представлялся как Эльмурза «рода Джамбулатова, фамилии Бекмурзиной» [Материалы... 1869: 77].

Известный кабардинский просветитель Шора Ногмов, ссылаясь на народные предания, говорил о том, что у Джамбулата было четыре сына: Бекмурза, Кайтуко, Али Мурза и Султан Али [Ногмов 1861: 137]. Из них двое, Бекмурза и Кайтуко, сыграют значительную роль в истории кабардинского народа. Ногмов сообщает также, что между двумя братьями, в нарушение обета братской

любви и дружбы, завелся спор за наследственное владение [Там же: 138].

Конфликт между двумя ветвями и привел к тому, что, согласно адатам, одна сторона вынуждена была отдать в аманаты (заложники) своих представителей. Таким аманатом-заложником и оказался будущий Александр Бекович Черкасский. Об этом свидетельствует интересный документ конца XVII в.

В 1697 г. в Терках, где была резиденция терского воеводы, произошел крупный пожар, в «нем сгорело все без остатку» [Акты... 1842: 313]. Бывшему воеводе Ивану Борисовичу Мартыанову, который спешно занимался восстановлением городка, было велено передать воеводство Афанасию Ивановичу Козлову. При передаче полномочий и имущества был составлен список, из которого совершенно ясно, что в 1688–1689 гг. Девлет Гирей жил в аманатной избе в Терках. Среди прочего в документе было упомянуто о проживании в «аманатных избах аманатных мурз: Кабардинской Дивлеть Кирей, Андреевской Чугук, Хайдацкой Амир, Тарковской Хале бек» [Там же: 315]. Помимо имущества, переданного воеводе, перечисляются и документы, в частности «Великих государей грамота жалованная о княжестве Хаты мурзы Черкасского, за красной вислой печатью». Хаты, по всей видимости, это Кайтуко — представитель крупного княжеского рода, ведавший черкесами в Терках в конце XVII в., и брат отца Бековича Бекмурзы. Вероятно, Девлет Гирей был забран в аманаты собственным дядей Кайтуко, чтобы воздействовать на его отца Бекмурзу и предостеречь его от самостоятельных действий.

Статус аманата Бековича подтверждается и в сообщении кабардинского посла Саадет-Гирея Салтаналеева в Коллегию Иностранных дел о разорении Кабарды крымским ханом. Доказывая верность кабардинских владельцев, посланник пишет, что они всегда «для верности давали на Терек в аманаты многих; а имянно: в-первых, Денгиз-бея Алажухова, во-вторых, Казы Мусависова, в-третьих, Алея Мусависова ж, в-четвертых, Султан Алея Женбулатова, в-пятых, Шавлах Бекова, в шестых, Девлетгирей Бекова, имянованного во крещении Александра Бековича, и помянутые аманаты жили с переменою» [Кабардино-русские отношения... 1957: 30].

Таким образом, если Бекович еще в 1689–1690 гг. был в Терках, то, как совершенно справедливо было замечено кабардинскими исследователями (Ф.К. Дзамихов, О.Л. Опрышко), он не мог быть «одним из первых молодых дворян, начавших службу в “потешных войсках”, созданных Петром в селе Преображенском» [Вилинбахов 1982: 159], к тому времени это уже был Преображенский полк [Бобровский 1899: 9].

Его переезд из городка Терки в Москву по сей день вызывает много вопросов. В XIX в. версия о его похищении, по всей видимости, впервые была озвучена Иоганном Георгом Корбом в сочинении «Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г.». Датскому дипломату посчастливилось в июле 1698 г. погостить у Бориса Алексеевича Голицына, где он и познакомился с нашим героем. «Чтобы показать свои достатки, князь Голицын велел подать вина различных сортов. Вместе с тем, с целью блеснуть своим гостеприимством, он приказал двум своим сыновьям прислуживать господину архиепископу и господину послу; к ним присоединил молодого черкесского князя, недавно еще похищенного тайно у своих родителей, князей черкесских, татар, и окрещенного» [Корб 1867: 79].

В дальнейшем версия о «тайном похищении» была дополнена новыми сведениями. Знаменитый российский писатель и публицист Г.П. Данилевский (возможно, с целью придания большей трагичности образу Бековича) пишет о том, что «он был похищен ногайцами», затем продан туркам в Азов, где его и нашли при завоевании крепости». Это могло произойти в 1696 г. [Данилевский 1880: 513].

Пожалуй, наиболее оригинальную версию появления Девлет Гирея в России озвучил его современник, шотландец на русской службе Питер Генри Брюс. В течение всего периода своей службы он фиксировал многое, собирал, в том числе любые слухи и анекдоты. Бекович, согласно Брюсу, был единственным сыном князя Иберии и Мингрелии Арчилла. Спасаясь от преследовавшего их персидского шаха, которому приглянулась жена Арчилла, Беко-

вич с отцом приехали в Москву. Вскоре Арчилл умер и Бековичу достались сокровища отца [Вгусе 1782: 180].

Определенную ясность относительно появления Бековича в Москве вносят опубликованные материалы церковных архивов. В документах о передаче земельных наделов, а именно «села Юдино с дер. Трубицино у речки Дрызны, Медвенского стана», указано, что переданы они княгиней Анной Васильевной Черкасской «внуку своему Девлет мурзе Бековичу-Черкасскому в 1700 г.». Указано также, что он принял православную веру в 1697 г. [Исторические материалы... 1881–1901: 216]. Согласно данным переписных книг «в 1699 г. кн. Анна Вас. Черкасская отдала село Перхушково внуку своему кн. Александру Бековичу Черкасскому» [Там же: 185]. При этом годом ранее, согласно воспоминаниям Иоганна Корба, Девлет Гирей, к этому времени уже окрещенный Александром, проживал в доме князя Голицына.

Бекович, по всей видимости, продолжал оставаться аманатом, уже находясь в Москве и будучи крещеным. Князь Борис Алексеевич Голицын, забравший к себе Девлет Гирея, вошел в историю не только как воспитатель-«дядька» Петра, но и как глава Казанского приказа. В его ведении были и земли Поволжья, и земли, находившиеся на территории Северного Кавказа, городка Терки в том числе. Соответственно, ему приходилось взаимодействовать и вести переговоры с кабардинской знатью, и именно ему Кайтуко отдал своего племянника в заложники.

Одной из популярных версий, объясняющей проживание Бековича у Голицына, на сегодняшний день является версия историка О.Л. Опрышко о приезде Бековича как заложника. «Его, скорее всего, вызвали сюда по указанию российского правительства — терский воевода мог получить приказ отправить его в Москву “к государю” с целью воздействовать через него на Джамбулатовых, часть которых ориентировалась в тот период на Крым. Среди сторонников крымского хана был тогда и отец Девлет Гирея — Бекмурза» [Опрышко 1982: 14]. Бекович не только служил гарантом примирения Бекмурзиных и Кайтуковых, но и, будучи родственником вторых, был гарантом их «пророссийской» ориентации сначала в Терках в аманатной избе, а затем в Москве в доме главы Казанского приказа.

В отечественной историографии принято считать, что Александр Бекович Черкасский начал свою военную службу в Преображенском полку еще в 1694 г. [Любимов 1915: 3; Вилинбахов 1982: 159; Опрышко 1982: 16]. Большинство авторов ссылаются на четвертый том Истории Лейб-гвардии Преображенского полка, где в приложениях за номером 181 в алфавитном списке всех офицеров полка князь Бекович Черкасский Александр числится прапорщиком Преображенского полка под вышеуказанной датой [История Лейб-Гвардии Преображенского полка... 1883: 37]. При этом, будучи офицером Преображенского полка, он нигде в полковых документах второй половины 1690-х годов не упоминается. Его нет ни в «росписи Преображенскому полку», бывшему под сражением под Воскресенским монастырем со стрельцами 18 июня 1698 г., ни в «Ведомости и списке Преображенского полка начальным людям и урядникам 1698 г.» [Там же: 12–16].

Это обстоятельство наводит на мысль, что указанная дата его поступления на службу ошибочна. Вероятно, на тот момент Девлет Гирей, сына Бекмурзы, в Москве еще не было. С учетом реалий Петровского времени, при всей веротерпимости, существовавшей в высшем обществе, маловероятно, чтобы человек, как тогда говорили, «магометанского» вероисповедания мог служить офицером в Преображенском полку. Во всяком случае, в списке «генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числившимся в Лейб-гвардии Преображенском полку» в конце 1690-х — начале 1700-х годов, таковые не встречаются. А согласно церковным документам крещение Девлет Гирей принял в 1697 г. [Исторические материалы... 1881–1901: 216]. Соответственно, если верить указанной дате (1694 г.), Девлет Гирей, сын Бекмурзы рода Жанболата, служил прапорщиком Преображенского полка три года, до того как стал Александром Бековичем Черкасским. Соответственно это был прецедент, когда офицером гвардии на самом раннем этапе ее становления был мусульманин. Прецедент, который впоследствии оказался незамеченным.

При этом в «Приложении к Истории Преображенского полка» был опубликован документ, по всей видимости, подтверждающий, что Александр Бекович Черкасский начал свою службу в Преоб-

раженском полку значительно позднее. «Государю было угодно многих из офицеров Лейб-гвардии Преображенского полка, за отличную их службу, повысить чинами, а некоторых перевести из рот в роты» [История Лейб-гвардии Преображенского полка... 1883: 21]. В списке офицеров, унтер-офицеров и рядовых встречается некто «солдат князь Александр Черкасский», которой был переведен из 16-й в 10-ю роту, только уже «сержантом». Как известно, из рода Черкасских в то время служили в Преображенском полку князья Андрей и Борис. Князь Александр Андреевич Черкасский, будущий генерал-поручик и гофмаршал, в списке «генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числившимся в Лейб-гвардии Преображенском полку» отсутствует.

Таким образом, мы можем предположить, что здесь упоминается именно Александр Бекович Черкасский, который начал свою службу в Преображенском полку не в 1694 г., а примерно в 1705–1706 гг., и не в звании прапорщика, а солдатом и далее сержантом. По причине того, что пока неизвестны дополнительные документальные свидетельства о первых годах службы Бековича в гвардии, вопрос о поступлении в полк является дискуссионным.

Относительно обучения Бековича Черкасского за границей в отечественной историографии бытовало несколько точек зрения. Согласно одной князь был отправлен за границу (в Италию) [Вилинбахов 1966: 10] для изучения «навигацкого» искусства еще до 1694 г., а уже по возвращении был определен в прапорщики Преображенского полка [Вилинбахов 1982: 159]. Иногда просто утверждалось, что Бекович был за границей для изучения «в особенности мореплавания», но при этом не обнаружены документы, доказывающие или опровергающие данный тезис [Аннанепесов 1982: 21]. Согласно же третьей точки зрения Петр «отправил в Голландию и Александра Черкасского, ставшему к тому времени поручиком» [Опрышко 1982: 18]. Автор ссылается при этом на статью в журнале «Москвитянин». Помимо даты сообщаются и сроки пребывания кабардинского князя за границей — два года.

Определенную ясность в этот вопрос вносит документ, заслуживающий «особого внимания», которому в 1929 г. в АН СССР

было посвящено выступление классика С.Ф. Платонова. Это был список лиц, посланных для «научения» в Италию и Голландию на рубеже XVII–XVIII веков. «Он писан на двух листах почтовой золотообрезной бумаги (из которых один в целом виде, другой в отрезке), рукою князя Бориса Ивановича Куракина» [Платонов 1929: 236]. Сам документ не имел даты, но Сергей Федорович датировал его 1708–1709 гг. В списке из двадцати фамилий (где было указано, кто «сего году посланы фамилии первые в Голландию учителя навигации — и кто им ены явим») фигурирует в одном из столбцов некто «Черкасский К. (князь. — А.А.) Александр» [Там же: 237]. По всей видимости, это и есть свидетельство пребывания кабардинского князя за рубежом, в Голландии, где он постигал основы навигации, впоследствии пригодившееся ему при исследовании Каспийского моря.

В Российском государственном архиве древних актов в фонде 9, Кабинет Петра Великого хранятся два письма, заслуживающие отдельного внимания. Оба они были опубликованы в V томе уникального сборника «Письма и бумаги Петра Великого» [1907]. Речь идет прежде всего о петровском указе князю Черкасскому «учиться ему за границей» от 6 мая 1706 г. Российский государь повелел Александру Черкасскому «первое учителя в зимнее время... языку, арифметики, геометрии, навигации, а лета выходить для наученья оного пути» [Там же: 239]. Второй документ — указ Тихону Никитовичу Стрешневу за той же датой. Здесь содержится следующая просьба «Min Her. Князь Александр Черкасский, который едет в протчие государства для ученья навигации и протчего, что к тому надлежит, просил меня, дабы в отлучении ево приказать ему дом свой одному из старых дворян [которые уже не годятца в службу], кому он может поверить, и чтоб тово с Москвы никуда не посылать. И вы, по его прошению, сие учините» [Там же].

По всей видимости, речь снова идет о Бековиче Черкасском. К сожалению, в документах не указана страна, где он проходил обучение, и сроки его пребывания за рубежом. Исходя из письма Куракина, мы можем утверждать, что обучался он в Голландии.

К 1709 г., вероятней всего, он уже вернулся в Россию. Любимов в своей работе, посвященной роду Бековичей Черкасских, приводит выписку из одного любопытного документа, датированного 1709 г. Это запись из Московского архива Министерства юстиции о том, что «в 1709 г. вдова Аксинья Иванова дочь Хоненева вотчину мужа своего деревню Караванцеву (22 четверти) за долговые деньги поступилась князю Александру Бековичу» [Любимов 1915: 11].

Таким образом, можно предположить, что князь находился на обучении с 1707 по 1708 г., а в 1709 г. вернулся в свое имение, где занялся «хозяйственными делами», пока вновь не был призван на службу.

Несомненно, биография князя Бековича Черкасского, особенно ранний ее период, требует комплексного исследования. Сегодня можно только констатировать, что такие ее эпизоды, как период его аманатства в Терках, приезд в Москву, получение наследства, поступление на государственную службу, запись в Преображенский полк и обучение за границей, могут быть пересмотрены при сопоставлении документальных источников самого разного происхождения.

Библиография

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией 1676–1700. СПб., 1842. Т. V.

Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских связей в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1982.

Бобровский П. Потешные и начало Преображенского полка (по официальным документам). СПб., 1899.

Вилинбахов В.Б. Александр Черкасский — сподвижник Петра. Нальчик, 1966.

Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982.

Голицын П. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. II.

Гузов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999.

Данилевский Г. П. На Индию. Историческая повесть из времен Петра Великого // Вестник Европы. 1880. Т. 86.

Дзамихов К.Ф. Адыги (черкесы) в политике России на Кавказе (1550 — начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001.

Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Собр. В. Холмогоровым и дьяк. Г. Холмогоровым. М., 1881–1901. Т. 10. Вып. 1.

История Лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1883. Т. IV. Приложения и список генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числившимся в Лейб-гвардии Преображенском полку. СПб., 1883.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы. М., 1957. Т. II. Ч. 2.

Карданов Ч.Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с российским государством в XVI — начале XIX века. Нальчик, 2001.

Корб И.Г. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Московскому Петру I в 1698 г., веденный секретарем посольства. Пер. с лат. Б. Женева и М. Семевского. М., 1867.

Любимов С.В. Князья Бекович-Черкасские. М., 1915.

Материалы по новой истории Кавказа. [Соч.] П.Г. Буткова. Ч. 1–3. СПб., 1869. Ч. 1.

Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Тифлис, 1861.

Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. Сенат. тип. Т. 2. СПб., 1792. Т. 2.

Опрышко О. Л. Через века и судьбы. Нальчик, 1982.

Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. I.

Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1907. Т. V.

Платонов С.Ф. Б.И. Куракин и А.П. Прозоровский (1697–1720) // Доклады АН СССР. 1929. № 12.

Сборник документов по словесному праву народов Северного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов и др. Нальчик, 2003.

Хан Гурей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1992.

Bruce P.H. Military Officer, in the Services of Prussia, Russia and Great Britain. L., 1782.